

АЛЕКСАНДРА БАХМЕТЕВА
ИЗБРАННЫЕ ЖИТИЯ СВЯТЫХ
ЗИМА

ДЕКАБРЬ • ЯНВАРЬ • ФЕВРАЛЬ

Чтение о святых Православной Церкви

ПАЛМИРА

Братья и сестры

Александра Бахметева

**Избранные жития святых. Зима:
Декабрь. Январь. Февраль**

«РИПОЛ Классик»

2018

УДК 244
ББК 86.37

Бахметева А. Н.

Избранные жития святых. Зима: Декабрь. Январь. Февраль /
А. Н. Бахметева — «РИПОЛ Классик», 2018 — (Братья и сестры)

ISBN 978-5-521-00822-3

В книге представлены избранные жития святых, почитаемых Православной Церковью, в изложении известной духовной писательницы А. Н. Бахметевой (1823–1901). В эту книгу вошли жизнеописания святых, дни памяти которых приходятся на зимние месяцы.

УДК 244
ББК 86.37

ISBN 978-5-521-00822-3

© Бахметева А. Н., 2018
© РИПОЛ Классик, 2018

Содержание

Предисловие	6
Декабрь	8
Память святого пророка Наума	8
Житие праведного Филарета Милостивого	10
Память святого пророка Аввакума	14
Память святого пророка софонии	16
Житие преподобного Саввы Звенигородского	17
Житие святой великомученицы Варвары	20
Житие святого Иоанна Дамаскина	24
Житие преподобного Саввы оСвященного	28
Житие святителя Николая, Мирликийского чудотворца	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александра Бахметева
Избранные жития святых. Зима:
Декабрь. Январь. Февраль

*Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви
ИСП17-716-0631.*

Предисловие

Полезно знать и по временам припоминать жизнь добрых родных, добрых учителей, друзей и благодетелей пример и жизнь гораздо лучше учат нас, чем слово. Еще полезнее изучать и как можно чаще припоминать жизнь святых людей, ибо она – ряд опытных уроков благочестия, объясняющих нам самую важную истину, именно ту, как мы можем служить Богу и благоугождать Ему во всяком возрасте, состоянии и звании. Человек обыкновенно везде и во всем любит находить препятствия для подвигов благочестия. Наша юность, например, твердит нам, что будет еще время позаботиться о благочестии, что лета юности нежной, беззаботной, игривой неспособны к трудам поста и молитвы, и мчится юность в вихре мирских наслаждений и удовольствий!.. Наступает зрелый возраст, и человек под предлогом многочисленных занятий и обязанностей домашних и общественных опять отказывается благоугождать Богу, святая молитва опять в стороне, для богоугодной жизни опять как будто еще не время. Но вот незаметно является старость. Казалось бы, теперь уже можно расстаться со всеми благами мира. На краю могилы какие для человека наслаждения? Что ближе к могиле, как не мысль о вечности? А при такой мысли как не обратиться к подвигам благочестия? Но на деле бывает не так. Часто болезненная старость так бывает близорука, что не видит своей могилы, или, по крайней мере, добровольно смежает свои тусклые очи, чтобы не видеть ее. Часто она вздыхает не о небе, а о потере телесных сил и, чтобы оправдать себя пред Богом и людьми, указывает на свои немощи, которые требуют покоя и препятствуют благочестивому труду. И так проходит время, а там – смерть, и вот вся земная жизнь как будто лишена была удобства для святых подвигов. Все подобные предлоги отказа от христианских подвигов часто одобряются умом, принимаются сердцем. Но если вникнем в жизнеописания святых, то все они – эти неосновательные предлоги – быстро исчезают, как тьма перед светом. Там увидим, что не только зрелый возраст, не только старость, но и самая юность не препятствовали людям благоугождать Богу. Там увидим, что и в суетливом мире, и вдали от него – в глубоком уединении, и в кругу родной семьи, и вне его – среди чужих и иноплеменных, и в богатых роскошных чертогах, и в убогой хижине люди усиленно подвизались для спасения души. Пост, труд, бдение, уединение, чтение Священного Писания и Святых Отцов, хождение в церковь, частая исповедь и причащение и другие дела благочестия – все это можно встретить в каждом житии Святых Отцов. Всему этому общее имя – подвиг. Благодать Божия, обитавшая во святых Божиих людях, придала подвигам их такое величие, озаряла их таким светом, что даже и краткие, но верные сказания об их жизни не могут не побуждать к более точному исполнению обязанностей всякого, кто только умеет ценить высокие нравственные подвиги. Повествования о святых, взятые в их целостности, изобилуют самыми разнообразными наставлениями, применительны к различным обстоятельствам и состояниям нравственной жизни; это как бы открытое училище, в котором всегда можно найти полезное вразумление и наставление при всяком случае жизни, при всякой нравственной нужде. Привычка к греховным действиям при равнодушии к делу спасения доводит человека часто до жалкого безобразия, но несколько примеров нравственного исправления, рассказанных ему в минуты душевной тревоги и беспокойства, несколько образцов духовного совершенства, вспомнутых в подобном состоянии чтением или размышлением о жизни святых угодников Божиих, дают другое настроение; он строже руководствуется в своих действиях требованиями нравственного закона, и дух его мало-помалу окриляется для молитвенного возношения к Богу и для стремления к вечным благам царства небесного. Таким образом, сказания о праведниках поистине действуют на душу, как орошение на засыхающее растение. Вот почему в первые века христианства некоторые ревнители благочестия, заботившиеся о том, чтобы облегчить и для других спасительное дело подражания святым, с особенной тщательностью собирали сказания о жизни святых, записывали их, и так состави-

лись различные патерики, «Лавсаик», «История боголюбцев» и отдельные жития многих святых. Великое уважение, с каким приняты были эти писания в древней Церкви, ясно показывает, что немало было лиц, которых эти сказания утверждали на пути благочестия.

Мы должны знать особенно хорошо жизнь того святого, которого имя носим со дня своего рождения. Кто не знает жизни соименного ему святого, тот забывает, что святая Церковь каждому из нас дает имя одного из праведников, торжествующих на небе, для того, чтобы по этому святому имени было и житие наше, забывает, что с наречением имени святая Церковь соединяет нас родственным союзом с соименным нам угодником Божиим, что вручает нас его ближайшему надзору, хранению и руководству, подобно как в семействах благоустроенных чад юных поручают надзору и попечению старших и более опытных. Как же не знать жизни святых наших благодетелей, опытнейших наставников и благонадежнейших руководителей! Настанет час, когда все наши земные связи пресекутся рукой смерти, когда никакое покровительство сильных земли нисколько не поможет нам; один союз любви во Христе Иисусе пребудет вечным, одно мощное заступление и ходатайство за нас избранных друзей Божиих может оказать нам действительную помощь и после нашей смерти, на самом суде Христовом.

Д. И. Протопопов
1884

Декабрь

Память святого пророка Наума

1 декабря¹

Святой пророк Божий Наум жил лет за семьсот до Рождества Спасителя. За двести лет до Наума пророк Иона по повелению Божию грозил ниневитянам разрушением Ниневии за великие беззакония жителей ее. Ниневитяне покались, и всеблагий Господь отменил строгий приговор. Но спустя некоторое время ниневитяне опять развратились; и тогда Господь устами пророка Наума открыл им страшные бедствия, которые постигнут их. Пророчество сбылось в

¹ Здесь и далее даты приводятся по старому стилю. (Примеч. ред.)

точности. Ниневия, один из самых значительных и богатых городов Древнего мира, была дотла разрушена и разграблена врагами; разлитие реки Тигр довершило опустошение; и теперь едва можно узнать даже место, где стоял этот огромный город.

Дано было Науму провидеть и другие события и утешать верных служителей Божиих откровением евангельских обетований.

«Се, на горах ноги благовествующаго и возвещающаго мир, – восклицает он, – празднуй, Иудо, праздники твоя, воздаждь обеты твоя!» (Наум. 1:15).

Житие праведного Филарета Милостивого

в тот же день

«Блажени милостивии, яко тии помилованы будут», – сказал Господь наш Иисус Христос (Мф. 5: 7). Эти слова исполнились над святым Филаретом, который за свою любовь и щедрость к бедным заслужил прозвание милостивого и сам получил от Бога превеликие милости.

Филарет, родом из Малой Азии, был человеком богатым и знатным. С ранних лет благочестивые родители внушили ему любовь к Богу и закону Его. Он женился и с семьей своей, женой и тремя детьми, жил в селении Амния в Пафлагонской области в совершенном довольстве. Кажется, трудно бы было найти человека счастливее его: семья жила дружно, богатства его умножались с каждым днем, ни печали, ни заботы не омрачали его жизни.

Как часто бывает, что, живя в таком довольстве, человек привыкает к самоугождению и забывает о бедных, терпящих нужду! Но Филарет был не таков. «Не для того Бог дал мне богатство, – говорил он, – чтобы я пользовался им один, а для того, чтобы я делился с бедными, с теми, которых на Страшном суде Господь не постыдится назвать братьями Своими. Какая мне польза от имущества, если стану от скупости беречь его? Поможет ли оно мне в день суда, который будет так страшен для немилостивых? Будет ли оно пищей и питьем в грядущем веке? Будут ли мне роскошные платья одеждой нетления? Конечно, нет. Апостол говорит: „Мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него“ (1 Тим. 6: 7). Если же ничего из земного имущества нельзя вынести отсюда, то не лучше ли отдать его Богу руками нищих, а Бог не оставит ни меня, ни семьи моей; верю я пророку Давиду, который говорит: „Я был молод и состарился, и не видал праведника оставленным и детей его просящими хлеба» (Пс. 36: 25).

Рассуждая таким образом, Филарет так и действовал. Неимущих и несчастных любил он, как отец детей своих, и щедро раздавал им пособие. Весь край благословлял его; все нищие, больные, вдовы, сироты, странники находили у него приют, помощь и утешение.

Так прошло много лет. Но вот угодно было Господу попытать верного служителя Своего. Враги, измаильтяне, напали на область, в которой жил добрый Филарет, и, как буря и пламя, опустошили ее. Они разграбили все богатство Филарета, многих служителей его увели в плен, расхитили стада, завладели полями его. У Филарета остались всего только слуга и служанка, дом, в котором он жил, маленькое поле, пара волов и лошадь. С этими скудными средствами только постоянным трудом можно было доставать насущный хлеб для пропитания семейства. Филарет безропотно покорился воле Господней и стал сам обрабатывать поле свое.

Однажды он запряг волов своих и отправился на пашню. Работая, он славил и благодарил Господа, что Он привел его исполнить заповедь, повелевающую в поте лица приобретать себе хлеб, и, послав ему труд, избавил его от лени и праздности, столь опасных для души. В это время другой поселянин работал на соседнем поле, и вдруг пал у него вол. Поселянин очень огорчился: он был беден, а издохший вол принадлежал соседу. Он стал горько плакать. «У кого мне найти помощь? – думал он. – Случись это в прежние годы, я пошел бы к доброму Филарету, и он бы помог мне; но теперь он сам беден. А все-таки пойду к нему, расскажу ему все свое горе; он пожалеет меня и поможет хоть добрым словом». Он так и сделал. Филарет, видя печаль его, отпряг одного вола своего и дал ему. «Возьми, брат, вола моего, продолжай свою работу и благодари Господа», – сказал он ему, а сам отправился домой. Жена Филарета, узнав о случившемся, стала горько упрекать мужа. «Хочешь ли нас с голода уморить, – говорила она, – что отдал вола? Чем будешь ты обрабатывать свое поле? Ведь я знаю, что не из доброты, не ради Бога отдал ты вола, а ради себя, потому что привык жить в богатстве и праздности, и тебе лень трудиться и обрабатывать поле. Чем мы станем жить?» С кротостью отвечал Филарет на эти упреки, обнадеживал жену свою милостью Бога, Который за данное может воздать сторицею, а сам стал с сыном работать день и ночь, не зная почти отдыха.

Однако бедность усиливалась. Филарет почти лишил себя необходимого, но отказать нищему было выше сил его: так он отдал и другого вола, и лошадь; иногда снимал с себя одежду и отдавал нищему. Жена, заботившаяся более его о житейских потребностях, часто бранила и упрекала его. Филарет говорил домашним своим: «Есть у меня сокровище, о котором вы не знаете»; но жена и дети не понимали его слов. Наконец дошли они до такой нищеты, что стали нуждаться в пище. Иногда соседи посылали им из жалости хлеба или муки; но и тут Филарет свою часть делил с нищими.

Богу угодно было вновь наделить богатством доброго и кроткого Филарета, и вот как это случилось.

Императрица Ирина, царствовавшая в Греции вместе с сыном своим Константином, пожелала женить его; были посланы сановники двора царского, чтобы со всей империи привезти красивейших девиц, из которых царь мог бы выбрать себе невесту. Посланные пришли и в то селение, в котором жил Филарет. Увидев издали дом его, который был всех больше, они захотели в нем остановиться, но жители села сказали им: «Хотя этот дом велик и снаружи прекрасен, внутри беден и пуст, в нем живет беднейший человек». Между тем Филарет, увидев незнакомых, которые шли к его дому, вышел к ним навстречу и стал их звать к себе, совершенно забыв о своей нищете и радуясь, что может дать приют путникам. Они вошли, а Филарет, поспешив к жене, велел ей готовить ужин.

– Что с тобой? – воскликнула она. – Из чего нам изготовить ужин! Нет ни ягненка, ни курицы в бедном нашем доме, а о масле и вине мы едва помним, когда они были у нас.

– Так, по крайней мере, разведи огонь, нагрей воды и приготовь комнату для странников; а может быть, Бог пошлет нам что-нибудь в помощь.

В самом деле, лишь только она начала исполнять сказанное, как в дверях показались старейшины селения; услышав, что у доброго Филарета гости, и зная нищету его, они поспешили помочь ему, кто чем мог: один нес барашка, другой курицу, иной масла, вина и проч. Филарет принимал с благодарностью все эти приношения и радушно угостил странников, которые расспросили его о семействе и узнали, что у него три молодые внучки; они пожелали видеть их и так поражены были красотой и скромностью одной из них, которую звали Марией, что непременно потребовали, чтобы она ехала в Константинополь, и Филарет с семейством отправился туда.

Десять молодых девиц были приведены на выбор царя. Мария, воспитанная в смиренномудрии, не ожидала себе блестящей участи, тем более, что одна из девиц, гордая красотой своей и знатностью рода, прямо говорила подругам своим: «Неужели вы думаете, что царь

изберет кого-нибудь из вас? На меня точно падет его выбор, потому что я всех вас и красивее, и умнее, и знатнее». Мария с кротостью слушала эти речи, считая себя совершенно недостойной высокого сана. Но Господь возвышает смиренных, а помышления гордых сокрушает. На Марии остановился выбор царя. Женившись на ней, он и всему ее семейству оказал милость и почет: милостивому Филарету дал богатые дома и поместья.

Жена Филарета и домашние его тогда раскаялись в своем прежнем ропоте и просили прощения у Филарета. «Прости нам, – говорили они, – что мы в безумии грешили против тебя и поносили щедроты и милости твои к нищим и убогим. Что нищему дается, то дается Самому Богу, и Он воздаст сторицею в этой жизни и блаженством в будущей. За добродетели твои возвысил тебя Господь и нас вместе с тобой». Среди величия и богатства милосердный Филарет оставался кротким и смиренным, как и прежде, радуясь только, что мог более помогать бедным.

Однажды он сказал жене своей: «Жена, сделаем богатый пир и позовем царя и вельмож его». Жена все приготовила, думая действительно роскошным обедом угостить царя и вельмож, а Филарет между тем пошел звать гостей. В назначенный день множество бедных, хромых, слепых, убогих собралось к нему в дом. Он вышел навстречу, радушно принял их и сам с семейством служил им. Видевшие это поняли тогда, что он действительно принимал Царя Небесного в лице нищих и убогих, ибо Господь Иисус Сам сказал: «Что сделали вы одному из сих братьев Моих меньших, то Мне сделали» (Мф. 25:40). Они говорили между собой: «Воистину этот человек весь Божий и настоящий ученик Христа, сказавшего: „Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем“ (Мф. 11:29)». Филарет, отпуская бедных, дал каждому по золотому. На дела милосердия Филарет употреблял богатство, данное ему царем, который, любя его, охотно поручил бы ему и важную должность, но Филарет удалялся от земного величия и хранил в сердце глубокое смирение. Он часто говорил: «Благодарю и хвалю Бога моего, Который воздвиг меня нищего от гноища и вознес на такую высоту, чтобы быть дедом царицы; этого с меня и довольно, более мне ничего не нужно».

Дожив до глубокой старости, Филарет получил от Бога извещение, что близок час кончины его; он заказал себе гроб, раздал нищим деньги, которые имел, и когда слег в постель, то, призвав к себе жену, детей и внуков, объявил им о близкой своей кончине. Они стали неутешно плакать; он же радостно и спокойно всех благословил и сказал им: «Вы знаете и видели, дети мои, жизнь мою. Господь дал мне сперва великое богатство, потом испытал нищетой и, видя, что я терпеливо и безропотно переношу посланное, вновь возвысил меня земной славой и посадил с царями и сильными мира сего, но я богатства своего не хранил в сундуках, а через бедных и немощных посылал его Богу. Прошу и вас, возлюбленные, не шадите скоротекущего богатства мира сего, но посылайте его в иной мир, куда я уже отхожу. Прошу вас, не забывайте страннолюбия, заступайтесь за вдовиц и сирот, посещайте больных и заключенных в темницах, не оставляйте собраний церковных, чужого не берите, никого не обижайте, не злословьте, не радуйтесь несчастью ни друзей, ни врагов, совершайте память по умершим и меня грешного в молитвах не забывайте».

После этого, сказав еще каждому из внуков несколько поучительных и пророческих слов об их судьбе и помолвившись о всем мире, он с просиявшим лицом запел псалом: «Милость и суд воспою Тебе, Господи» (Пс. 100:1), потом стал читать молитву Господню и при словах «да будет воля Твоя» предал душу Богу. Лицо его по смерти сохранило выражение радостного спокойствия, которое до глубокой старости придавало ему необычайную красоту. Когда весть о кончине его разнеслась по стране той, она возбудила всеобщее горе; царь и вельможи и великое множество нищих с плачем сопровождали до могилы тело милостивого Филарета.

Один сродник блаженного Филарета через день после его кончины видел дивный сон. «Я видел, – рассказывал он, – будто я перенесен в неведомое место и муж светлый указы-

вает мне реку огненную, которая шумом своим устрашает меня. А за огненной рекой видится мне рай светлый и радостный. Там сладкое благоухание наполняет воздух, тихий ветер колеблет прекрасные деревья, покрытые плодами и цветами. Нет слов, чтобы описать все блага, которые Господь там приготовил для любящих Его. Там увидел я праведных, облаченных в белые одежды и наслаждающихся благами небесными. Между ними был один старец, которого я сразу не узнал. Он сидел на престоле золотом; с одной стороны окружали его дети новопросвященные, держа в руках свечи, с другой – множество нищих толпилось, чтобы подойти к нему поближе. И я спросил у одного юноши: „Кто сей старец, сидящий на престоле посреди этих пресветлых мужей? Не Авраам ли?“ А он мне в ответ: „Это Филарет Амнийский, который за любовь свою к нищим и убогим и за чистое и праведное житие, как второй Авраам, водворяется здесь“. Филарет, тут увидев меня, начал звать к себе. „Приди сюда, – говорил он, – да и ты те же блага получишь“. А я ему: „Не могу, о преблаженный, река огненная мешает мне; через нее путь узок и мост неудобен“. Он же говорит мне: „Дерзай и безбоязненно иди, ибо все, кто здесь, тем же путем шли, и нет пути другого“. С этими словами он протянул мне руку, и я безопасно прошел через реку. Но едва коснулся руки его, как чудный сон исчез, и я, проснувшись, опечалился, думая, как я перейду реку огненную и достигну райских селений».

Память святого пророка Аввакума

2 декабря

Святой пророк Аввакум за шестьсот лет до Рождества Христа пророчествовал о бедствиях, которые постигнут Иудею. Действительно, царь халдейский Навуходоносор взял Иерусалим, разорил город, храм и отвел в плен множество народа. Тогда и пророк Аввакум ушел в землю израильскую; но по удалении Навуходоносора возвратился на родину.

Он был человеком бедным и жил земледелием. Вот однажды изготовил он обед для работников, которые помогали ему жать поле его, как вдруг увидел ангела Господня, который говорил ему: «Аввакум, отнеси этот обед Даниилу в Вавилон, в ров львиный».

Удивился Аввакум и отвечал ангелу: «Господи, я от роду не бывал в Вавилоне и не знаю, где там ров львиный».

Тогда ангел, взяв его за власы, приподнял от земли и понес в Вавилон. А Вавилон был столицей Халдейского царства. Туда было отведено множество пленных иудеев и между прочими отрок по имени Даниил. Отрок этот сделался потом великим пророком Божиим, и даже царь халдейский чествовал его за мудрость. Но по зависти придворные сумели восстановить царя против Даниила, и пророк Божий был брошен в львиный ров. Завистники надеялись, что львы растерзают его, но Господь Бог хранил Своего верного служителя, который оставался здоровым и невредимым среди голодных зверей. К этому-то пророку Даниилу и был послан Аввакум. Ангел поставил его близ львиного рва. «Даниил, – закричал он, – возьми обед, который посылает тебе Господь!» Даниил пообедал, и ангел отнес обратно Аввакума на место его жительства.

Оплакивая бедствия народа своего, Аввакум ободрял благочестивых между иудеями и внушал им упование на Бога, *исходящего во спасение людей Своих* (Авв. 3:13).

В тот же день совершается память святой мученицы Миропии. Эта молодая христианка жила в Эфесе с матерью своей; часто посещала она гробницу одной из дочерей апостола Филиппа, святой Ермионии, а миром, которое истекало от ее мощей, подавала больным исцеление. Началось при Декии жестокое гонение, и Миропия с матерью удалилась на остров Хиос, но гонение дошло и туда. Честный муж по имени Исидор был замучен за веру, и тело его было

брошено на съедение птицам и зверям, но Миропия взяла ночью тело мученика и похоронила честно. Когда начальник области узнал, что тело унесено, он осудил сторожей на смертную казнь. Услышала об этом Миропия и поспешила объявить, что она ночью унесла тело Исидора. Правитель велел ее жестоко бить и заключил в темницу. В полночь, пока дева молилась, темница вдруг озарилась необычайным светом; лики ангельские предстали деве; посреди них был мученик Исидор, который сказал ей: «Мир тебе, Миропия, молитвы твои дошли до Бога, ты будешь с нами и примешь венец, уготованный тебе».

Пока еще мученик говорил, девица предала душу Богу; вся темница исполнилась благоухания. Стражи изумились; один из них, видевший и слышавший все, что происходило, тотчас же просил Святого крещения и затем сподобился скончаться мученически за веру. Тело святой Миропии было благоговейно похоронено христианами.

Память святого пророка софонии

3 декабря

Святой пророк Софония пророчествовал за 610 лет до Рождества Христа. Предсказав бедствия, которые должны постигнуть Иудею и окрестные страны, он предвещал ей те светлые времена Новозаветные, когда Господь посетит народ Свой и изберет Себе *людей кротких и смиренных*, которые будут *благоговеть о имени Господни и не возлагают суетных, не сотворят неправды*, будут призывать имя Господне, *работати Ему под игом едиными*.

«Радуйся, дочь Сионова, – восклицает он, – проповедуй, дочь Иерусалима. Отъял Господь неправды твои, избавил тебя из рук врагов твоих. Воцарится Господь посреди тебя и не узришь зла... Господь Бог твой в тебе; сильный спасет тебя!» (Соф. 3:14–17).

Житие преподобного Саввы Звенигородского

в тот же день

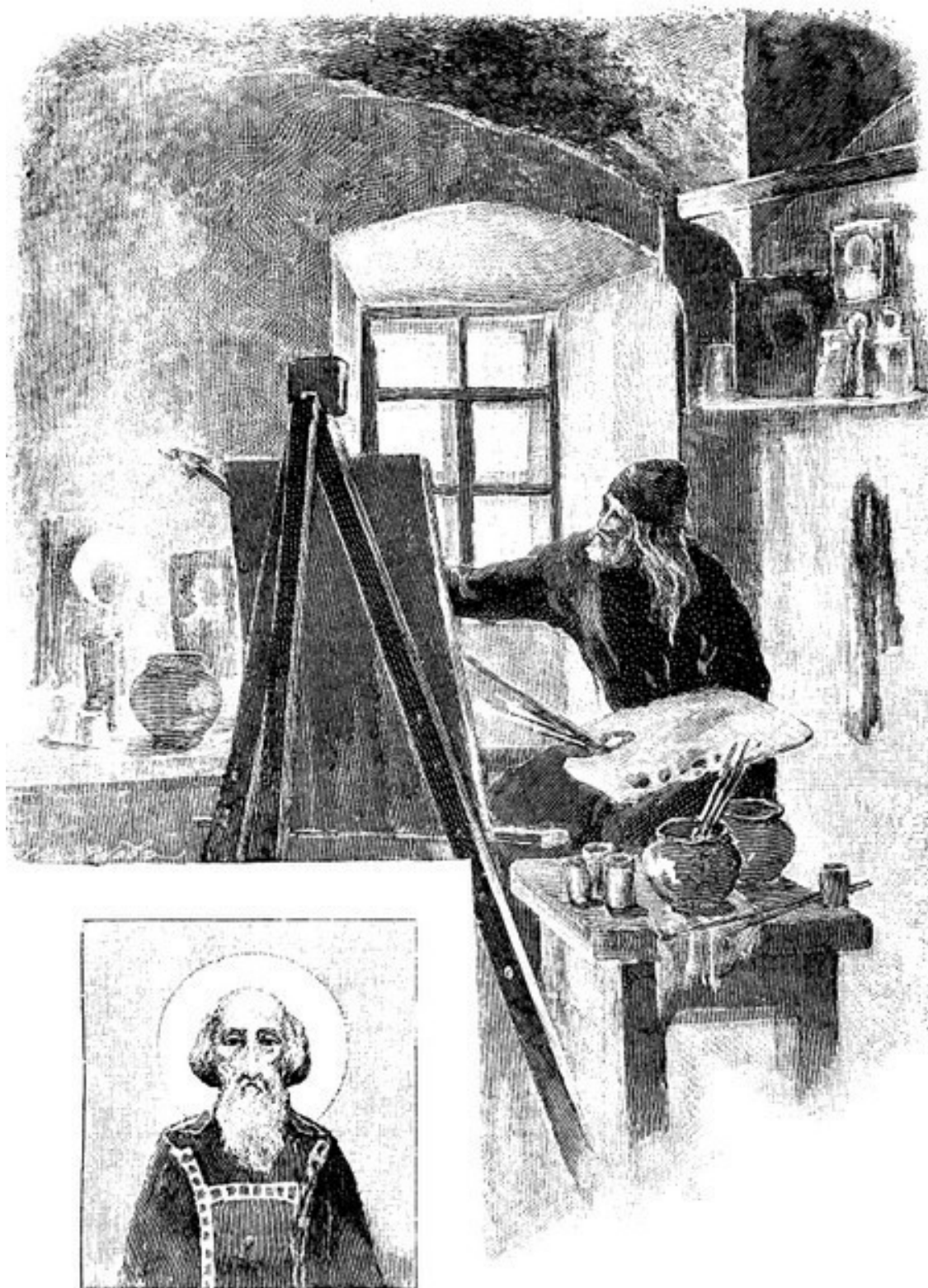

После славной битвы на Куликовском поле в 1380 году великий князь Димитрий Донской пришел в обитель святого Сергия благодарить Господа за дарованную ему победу, а святого Сергия – за его молитвы и благословение. Тогда же он открыл Сергию, что перед битвой он дал обет основать монастырь во имя Пресвятой Богородицы, и просил его совета и помощи в этом деле. Святой Сергий охотно исполнил просьбу великого князя; он обошел многие пустынные места и, выбрав место около реки Дубенки, заложил церковь в честь Успения Пресвятой Богородицы и назначил настоятелем новоучреждаемого монастыря одного из учеников своих, инока Савву, который в Свято-Троицкой обители славился добродетелью.

В пустыне Дубенской блаженный Савва провел много лет в постоянной молитве и в строгом воздержании, научая словом и делом вверенных ему братьев. Когда преподобный Никон, преемник святого Сергия в Троицкой обители, пожелал уединиться, Савва шесть лет был игуменом Лавры, но по возвращении Никона из уединения вновь удалился в свою пустынь.

Однако недолго после этого оставался он в Дубенской пустыни. Сын Димитрия Донского, князь Георгий, которому он был духовным отцом, упросил его идти с ним в его удельный город Дмитров и после того – в его звенигородскую вотчину, где желал устроить монастырь. Для сей обители было избрано прекрасное место на горе, называемой Сторожи, оттого что там стояла стража на случай набегов литовцев, которые подходили к Москве с этой стороны; оттуда открывался чудесный вид на все окрестности. Помолившись, Савва заложил на этом месте деревянную церковь в честь Рождества Богородицы и, уступая настоятельной просьбе князя, согласился быть игуменом этой новой обители и построил себе около церкви маленькую келью. Вскоре слух о добродетельной его жизни привлек к нему много братьев.

Князь Георгий ревностно заботился о новой обители, построил в ней прекрасную церковь и часто посещал духовного отца своего, советуясь с ним и прося его благословения и молитв пред начатием каждого важного дела. После славной своей победы над болгарами он пришел благодарить преподобного Савву, благословившего его на эту войну. «Благий и милосердый Бог, видя твое благочестивое княжение, смирение сердца и любовь, какую ты оказал убогим, подал тебе такую победу над неверными, – сказал преподобный. – Твое сердце да утвердится в любви Божией, ничем мы не можем столь приблизиться к Богу, как милованием бедных; если так будешь поступать, то и сию жизнь управишь к благу, и вечные блага получишь».

В обители Сторожевской преподобный Савва прожил до глубокой старости и скончался, оплакиваемый всей братией, в 1407 году 3 декабря.

Много лет спустя, когда игуменом обители был Дионисий, ему явился во сне старец и сказал:

- Напиши образ мой.
- Кто ты? – спросил Дионисий.

– Я – Савва, начальник месту сему, – отвечал старец.

Дионисий, проснувшись, расспросил о Савве у одного старца, который помнил его; рассказ старца вполне согласовался с образом того, кого он видел во сне. Дионисий был искусным живописцем; он написал по памяти образ преподобного.

Через некоторое время братья стали роптать на Дионисия и оклеветали его перед великим князем Иоанном, который и повелел призвать его к себе для разузнания дела. Игумен скорбел и беспокоился. Ночью явился ему Савва и сказал: «Что скорбишь, брат мой? Иди и говори безбоязненно; Господь поможет тебе!» Дионисий, восстав от сна, провел всю ночь в молитве. В эту же ночь преподобный явился тем, которые роптали на Дионисия, и сказал им: «На то ли вы оставили мир, чтобы в ропоте совершать подвиг иночества? Вы ропщете, а игумен ваш со слезами молится. Посмотрим, что одолеет: ваше ли роптание или молитвы отца вашего! Но помните одно, дети мои, что в сердцах строптивых не почивает ни смирение, ни благодать Божия». Затем Дионисий вполне оправдался перед великим князем и с честью возвратился в обитель.

Многочисленными чудесами Бог прославил угодника Своего. Один бесноватый, приведенный ко гробу преподобного, вдруг исцелился и рассказал потом, что, когда игумен осенил его крестным знамением, он увидел стоявшего на гробе старца с крестом в руках, из которого выходило пламя. Слепой прозрел, немой получил разрешение языка у гробницы преподобного. Слух о чудесах распространился, и многие стали приходить на поклонение гробу угодника Божия. Наконец царь Алексей Михайлович велел осмотреть гроб; и тело блаженного Саввы, уже 245 лет лежавшее в земле, было найдено нетленным. Святые мощи с великим торжеством были перенесены в новый гроб и поставлены в соборной церкви 20 января 1652 года. При этом торжестве присутствовали царь, святейший патриарх Иосиф и новгородский митрополит Никон.

В монастыре хранится предание, что открытию мощей послужил следующий случай. Однажды царь Алексей Михайлович, охотясь в лесах близ Звенигорода, удалился от придворных своих; вдруг из чащи леса огромный медведь устремился на него. Царь уже ожидал своей смерти, но внезапно явился около него старец в монашеском одеянии, от которого медведь побежал прочь. Удивленный царь спросил монаха об его имени. «Я Савва, – отвечал тот, – инок Сторожевской обители». Сказав это, старец пошел к монастырю, куда вскоре прибыл и царь со всеми приближенными. Царь спросил архимандрита об иноке Савве, но, к своему удивлению, узнал, что нет в обители монаха с этим именем. Тут, увидев образ преподобного Саввы, он узнал старца, явившегося ему в лесу, и, исполненный благодарности, отслужил ему молебен, а потом велел открыть его гроб. С этих пор царь Алексей Михайлович оказывал великое усердие к святому угоднику, часто посещал его обитель и украсил ее богатыми дарами.

Чудесные исцеления не переставали свидетельствовать о благодати Господней, прославившей мощи святого угодника. Подробное повествование о них находится в книге о житии его, хранящейся в Сторожевской обители.

Житие святой великомученицы Варвары

4 декабря

В царствование императора Максимиана жил в Илиополе богатый и знатный человек по имени Диоскор. Жена его умерла, и единственную свою дочь Варвару он любил и хранил как зеницу ока. Он воспитывал ее со всевозможным попечением, но в язычестве, ибо сам был язычником. Девушка была красоты необыкновенной. До совершеннолетия отец держал ее в удалении от всякого общества. В прекрасных своих чертогах, устроенных на высоком столбе или на возвышающейся выше столба башне, Варвара никого не видела, кроме наставниц и служанок своих. С высоты ее жилища открывался великолепный вид на находящиеся в отдалении горы, леса и равнины, на свет небесный и красоту земную. Однажды девушка, засмотревшись на этот вид, впала в раздумье. «Чья рука, – думала она и спрашивала о том своих наставниц, – создала всю эту красоту?» Наставницы Варвары, язычницы, говорили ей о богах, создавших вселенную, но девушка отвечала им: «Не может быть, чтобы все было создано богами, которым мы поклоняемся; они сами – создания рук человеческих, сделаны из золота, серебра и камня и не имеют ни чувства, ни разума. Верно, есть существо высшее и всемогущее, истинный Бог, Который создал небеса, основал землю, Который просвещает всю вселенную лучами солнца, сиянием луны, блеском звезд, землю же украшает деревьями и цветами и орошает ее реками и источниками. Верно, есть один Бог, Который все содержит, все оживляет и всем управляет». Таким образом, созерцая красоту природы, девушка возносилась мыслью и сердцем к Создателю, стараясь узнать Его. Не было у нее учителя, но Господь, по благодати Своей, внушал ей эти стремления и готовил ее к уразумению истины.

Между тем шли годы, и Диоскор стал помышлять о замужестве Варвары. Много нашлось женихов, ибо известны были и красота Варвары, и богатство отца ее. Диоскор объявил дочери о своем желании выдать ее замуж; но она отвечала только слезами и просьбой не говорить ей о замужестве. Диоскор не захотел принуждать любимую дочь, надеясь, что она сама привыкнет к этой мысли; он даже винил себя, что воспитывал ее в таком одиночестве и удалении от людей. Зачем-то понадобилось ему отлучиться на некоторое время; уезжая, он приказал наставницам Варвары доставлять ей случай видаться с другими молодыми девушками и позволять выходить, куда захочет. Он надеялся, что, видя сверстниц своих, выходящих замуж и пользующихся удовольствиями мира, Варвара захочет последовать их примеру.

Вышло иное. Между молодыми девушками, с которыми сблизилась Варвара, были христианки. От них она услышала имя Господа, создавшего небо и землю; от них узнала, что Единородный Сын Божий Иисус Христос сошел на землю, сделался человеком и принял страдание и

смерть, чтобы спасти людей от вечного осуждения. Сердце девицы, давно жаждущее истины и к принятию ее уже уготованное тайными внушениями Святого Духа, с неописанной радостью приняло благую весть спасения и исполнилось веры и пламенной любви к Богу. Одного она стала желать – сделаться христианкой. Вскоре это желание осуществилось. В Илиополь приехал из Александрии христианский священник. Узнав о желании Варвары, он приготовил ее объяснением закона христианского к принятию Святого крещения и окрестил ее во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Варвара была вполне счастлива и усердно старалась сделаться достойной имени христианки, проводила все дни в молитве и размышлениях о Боге и о явленных ей от Него благоденствиях.

В таком настроении Варвара однажды пришла к месту, где, по приказанию отца ее, строилась баня с двумя окнами. Созерцая в видимом мире выражение воли, силы и мыслей невидимого Создателя, девица хотела, чтобы в видимых делах человеческих выражались тайны Божии: она приказала устроить в бане вместо двух три окна, в знамение Пресвятой Троицы. В другой раз Варвара вошла и в само здание бани, при котором находилась купальня, кругом обложенная темным мрамором; она наклонилась и, занятая обычными мыслями о Спасителе, начертила на мраморе пальцем изображение распятия. Изображение это врезалось в мрамор, как будто бы оно было сделано железом, и при этом еще, по свидетельству святых мужей, описавших жизнь Варвары, отпечатлелась в купальне девственная стопа ее и открылся источник, вода которого сделалась целебной для верующих.

Диоскор возвратился и вскоре после того пошел осмотреть постройку; с удивлением увидел он три окна в бане вместо двух, которые он приказал устроить. Узнав, что это сделано по воле Варвары, он призвал ее. Она с твердостью объявила отцу, что она христианка и что, по ее мысли, три окна в здании бани служат указанием на три Лица в Едином Божестве – в этом неприступном, неизреченном, незаходящем и немерцающем Свете, просвещающем всякого человека, грядущего в мир. Она показала отцу и спасительное знамение креста, которым хотела освятить строившееся здание. Диоскор страшно разгневался. Язычники считали христианскую веру безумием и бесчестьем и не понимали, что можно, презрев богатство и величие мира сего, поклоняться Тому, Кто умер постыдной, по их мнению, смертью на кресте. Диоскор стал жестоко бить дочь свою, потом на несколько дней запер ее в темную комнату, но, видя, что угрозы и наказания остаются равно бесполезными, он ожесточился и решил наконец отвести ее к правителю той страны Мартиану.

– Дочь моя отреклась от богов наших, – сказал он ему, – она верует в Распятого, и я отрекаюсь от нее. Если она не раскается и не поклонится богам, то она уже мне не дочь, а ей более не отец. Поступай с ней как знаешь.

Мартиан сначала не мог верить твердости Варвары и, надеясь подействовать на нее ласковым обращением, стал хвалить красоту ее и кротко увещевал ее не отклоняться от древних отеческих обычаев, не раздражать отца непокорностью и не отвергать его любви и богатств, которые он собирал для нее. Но на это девица отвечала исповеданием и прославлением имени Христа, Который был ей дороже всех благ, богатств и радостей мирских.

Долго увещевал ее правитель. «Не губи ты молодости своей, – говорил он ей, – пожалей о себе, не вынуждай меня предать тебя мучениям». – «Хвалю Бога моего, – отвечала Варвара, – и готова быть жертвой за имя Его, ибо Он един есть Бог истинный, Бог, создавший небо и землю; ваши же боги ложны, и суетна надежда ваша на них».

Тогда Мартиан, убедившись, что увещания бесполезны, велел бить девицу воловьими жилами. Долго мучили ее, но ничем не могли победить ее твердой веры и, наконец, едва живую перенесли в темницу.

Чувствуя изнеможение от ран, Варвара со слезами умоляла Бога, чтобы Он не допустил поколебаться веру ее, но поддержал бы ее Своей помощью и силой. Молитва ее была услышана:

ночью темница ее вдруг озарилась дивным светом, и девица с радостью и трепетом, чувствуя присутствие славы Божьей, увидела Самого Царя славы – Господа Иисуса, взиравшего на нее с неизъяснимым благоволением, и услышала от Него слова: «Дерзай, невеста Моя, и не бойся! Я, Господь Бог всесильный, охраняю тебя и смотрю на подвиг твой; Я облегчу твои страдания и приготовлю тебе за них воздаяние. Потерпи до конца и получишь вечные блага в Царствии Моем». Дивное видение кончилось, исполнив сердце девицы несказанной радостью. Раны ее вдруг исцелились, и она всю ночь провела в пламенной молитве к Богу, укрепившему ее и даровавшему ей небесное утешение среди страдания и скорби.

На другое утро Варвару вновь привели к правителю, который с удивлением увидел, что на ней не осталось и следа нанесенных ран, что она совершенно здорова и что лицо ее сияет радостью и неизреченной красотой.

– Вот видишь ли, девица, – сказал он ей, – как милостивы боги наши; они сжалились над тобой и возвратили тебе силу и здоровье. Поклонись же им и принеси им жертву в знак благодарности.

– Не твои боги исцелили меня, – отвечала Варвара, – меня исцелил Господь Бог Иисус Христос, врачующий всякую болезнь и мертвым дающий жизнь. Ему я с благодарностью поклоняюсь и приношу себя в жертву.

Тогда правитель вновь подверг ее истязаниям, но она, укрепленная верой, все переносила с терпением.

Накануне того дня, когда в первый раз мучили Варвару, в толпе стояла одна христианка по имени Юлиана. Она

с сердечным сокрушением смотрела на страдания мученицы. Когда святую повели в темницу, то и она пошла за ней и всю ночь просидела у окна темницы, все думая о Варваре, о пламенной вере, которая побудила ее в такой ранней молодости покинуть отца и все радости мира, чтобы исповедовать Христа и страдать за имя Его. Мысли эти пробуждали в сердце Юлианы горячую любовь к Богу; она со слезами молила Его, дабы Он и ей даровал такую веру, дабы вложил и в ее сердце твердость и готовность страдать за Христа. Когда Варвару вывели из темницы и опять предали мучениям, Юлиана молча смотрела на ее страдания, проливая горячие слезы, и вдруг стала громко славить истинного Бога и укорять правителя за его жестокость. Ее тотчас же схватили и привели к правителю. Она объявила, что она христианка, и ее предали мучениям, повесив рядом с Варварой. Святая Варвара, возведя глаза к небу, не переставала молиться: «Боже, испытующий сердца людей, – говорила она, – Ты знаешь, что, Тебя одного любя и Твои святые заповеди исполняя, я вся Тебе предалась и на сильную Твою десницу надеюсь. Не оставь меня, Господи, но взгляни милостиво на меня и на сострадательницу мою Юлиану, обеих нас укрепи и дай нам совершить до конца подвиг наш, ибо дух бодр, плоть же немощна». Бог исполнил ее молитву, и обе мученицы с терпением и твердостью перенесли ужаснейшие мучения, взывая ко Господу: «Не отврати лица Твоего от нас, Христе, и Духа Твоего Святого не отыми от нас. Воздай нам радость спасения и Духом владычним утверди нас в вере и любви Твоей». Наконец Мартиан, видя, что злейшие мучения не заставят их отречься от Христа, обеих осудил на смертную казнь.

Казнь должна была совершиться за стенами города. Сам жестокосердый Диоскор, держа в руке меч, вел дочь свою; воины вели Юлиану. Они обе молились. «Боже безначальный, – говорила Варвара, – Ты, распростерший небо, как покров, и основавший на водах землю, Ты, освещающий солнцем Своим праведных и злых, услышь меня, молящуюся рабу Твою, и пошли милость Свою тому, кто помянет меня и страдания мои, да не постигнет его смерть внезапная». Пока она еще молилась, услышан был с небес голос, призывавший ее и обещавший исполнить ее прошение; обе мученицы с радостью преклонили головы свои на отсечение. Сам Диоскор совершил над дочерью смертный приговор.

Диоскора и Мартиана в тот же день постиг гнев Божий. Поднялась гроза, и они оба были поражены громом и сожжены молнией, так что даже останков их нельзя было отыскать. Тела же святых мучениц были сняты и похоронены одним христианином по имени Галентиан. Он соорудил над ними церковь, в которой верующие обретали исцеление от недугов своих.

Теперь мощи святой великомученицы Варвары покоятся в Киеве, куда привлекают великое множество паломников. Они были внесены из Царьграда в древнюю столицу нашу греческой царевной, супругой великого князя Святополка-Михаила. «Варвару святую почтим, – поет Святая Церковь, – вражия бо сети сокруши, и яко птица избавися от них помощью и оружием креста, всечестная».

Житие святого Иоанна Дамаскина

в тот же день

В VII веке после Рождества Христова сарацины завладели сирийским городом Дамаском. В этом городе находилось довольно много христиан; победители обращались с ними жестоко; но, по особенному устроению Промысла, один христианин по имени Сергей, по прозвищу Мансур, был ими помилован; они пощадили его и его семью, не отвели его в плен и не отняли у него имущества. Через некоторое время князь, или калиф, сарацинский полюбил его и поручил ему важную должность в городе.

Этот христианин имел сына, которого звали Иоанном; он воспитывал его в законе Господнем. Но по мере того, как рос Иоанн, отец его больше и больше сознавал и чувствовал нужду в человеке ученом, который мог бы обучить Иоанна разным наукам, и усердно молил Господа послать его сыну такого наставника. Молитва была услышана Богом.

Однажды Сергей увидел на городской площади большое стечение народа. Подойдя, он узнал, что сарацинские воины из набегов своих на соседние страны привели взятых в плен христиан. Иных они продали в неволю, других убивали. Между пленными один в особенности привлек его внимание. Он был черноризцем родом из Италии и пользовался великим уважением между своими сопленниками. Всякий из тех, кого осуждали на смерть, подходил к нему и, припадая к его ногам, поручал душу свою его молитвам. Сам же инок, как казалось, был погружен в неутешную печаль. Сергей подошел к нему и, узнав об имени, звании и отечестве, сказал ему:

– О чем скорбишь ты, человек Божий? Тебе ли страшиться предстоящей участи, когда ты и так отрекся от мира и принес в жертву Богу все радости земные, надеясь на радости вечные?

– Я не плачу о радостях земных, – ответил черноризец, – давно я умер для них, давно познал, что все в мире суетно и бrenно, но о том плачу, что выхожу бездетен из мира сего и не оставляю по себе наследника.

Эти слова очень удивили слушателя.

– Да ведь ты инок? – сказал он. – Как плакать о том, что не оставляешь наследника, когда ты дал обет безбрачной жизни?

– Ты не понял меня, – отвечал черноризец, – я говорю о наследии духовном. Как ты видишь, я инок бедный, но, по благодати Господней, с юных лет я обогатился познаниями, и это драгоценное наследство мне некому передать. Я изучил философию, богословие, науки о мышлении и о слове, музыкальное искусство, мне известны тайны природы, и, получив от Бога

столько благ, я ни с кем не поделюсь ими и явлюсь пред Богом, как древо бесплодное, как раб, зарывший в землю порученный ему талант... Вот о чем я плачу!

Услышав эти слова, Сергей подумал: «Вот то сокровище, которого я так давно ищу!» – и, обнадежив черноризца милостью Господней, он поспешно пошел к калифу сарацинскому, упал к ногам его и убедительно просил отдать ему пленного инока. Князь согласился на его просьбу. Ученому иноку поручено было воспитание молодого Иоанна и другого мальчика – Космы, который жил с ним. Этот ученый инок, известный под именем Космы Святоградца, впоследствии написал иконы на важнейшие праздники.

Черноризец с усердием и любовью принялся за воспитание двух мальчиков, и полный успех был ему наградой за труды. Ученики его были умны и внимательны; молодой Иоанн в особенности отличался как способностями ко всем наукам, так равно кротостью и смиренномудрием. Когда Иоанн и товарищ его достигли совершеннолетия, добрый учитель их удалился в обитель Святого Саввы, где и остался до самой своей смерти, а Иоанн, пристрастившийся к наукам и чтению Божественных книг, думал посвятить всю свою жизнь ученым занятиям. Но ему вскоре пришлось пожертвовать своим желанием для блага других. Отец его умер, и калиф сарацинский поставил его правителем города Дамаска.

В это время императором греческим был Лев Исаврянин, жестоко гнавший почитателей святых икон. От этого происходили смуты и волнения между христианами. Святые учителя Церкви наставляли их, изъясняя значение икон. Иоанн посланиями, или письмами, увещевал христиан не смущаться гонениями и ложными толками и твердо держаться постановлений Церкви. Эти письма, полные пламенной веры и живого красноречия, сильно действовали на христиан, но они дошли до царя и возбудили в нем ужасный гнев. Лев решился погубить Иоанна. Он оклеветал его перед князем сарацинским, послав последнему поддельное письмо, в котором будто бы Иоанн предлагал ему Дамаск. Князь, поверив письму и не выслушав оправданий Иоанна, жестоко наказал его, именно – приказал отрубить правую его руку и лишил должности. Однако вскоре невинность Иоанна открылась через чудесное, помощью Богоматери, исцеление его руки, и князь, раскаявшись, что так легко поверил клевете, возвратил Иоанну доверие свое и пожелал сделать его правителем всей области. Но давно уже Иоанн тяготился властью и богатством, давно желал удалиться от мира, чтобы в нищете и труде служить Господу. Он упросил князя отпустить его, и тот наконец согласился.

Тогда Иоанн раздал бедным все свое имущество, пошел вместе с Космой в Иерусалим, чтобы поклониться Гробу Господню, и оттуда в лавру Святого Саввы, основанную недалеко от Иерусалима. Придя туда, он стал просить игумена принять его в число иноков и научить его правилам иноческой жизни. Имя Иоанна давно было известно в Лавре, потому что он считался замечательнейшим и ученым мужем того времени; никто из монахов не соглашался принять его к себе учеником, всякий считая его несравненно выше себя. Наконец один старец, уважаемый в обители за простоту нрава и добродетельную жизнь, решился быть наставником Иоанну в монашеском житии.

Старец, справедливо почитая смиренномудрие первым основанием христианской добродетели и опасаясь, вероятно, чтобы высокие достоинства Иоанна не вселили в него гордости, требовал от него полного отречения от собственной воли. Он назначал ему и телесные труды, но требовал, чтобы вся его деятельность, как телесная, так и умственная, была полностью подчинена строгому закону послушания. Он поучал его отклоняться от мечтаний мирских, направлять все помыслы к Богу и совершенно отречься от самого себя ради любви к Господу. Иоанн должен был так овладеть волей своей и всеми мыслями своими, чтобы подчинять их совершенно воле руководителя. Для возведения его на такую высоту самоотверженного послушания старец наложил на него трудные испытания; он, между прочим, запретил своему ученику как писать что бы то ни было, так даже говорить кому-то что-либо, относящееся к

наукам. Иоанн нелицемерно и беспрекословно повиновался повелениям старца, не человеку угождая, но всецело покорившись Христу.

Однажды старец, желая испытать смирение Иоанна, послал его в Дамаск, чтобы там на торжище продать в пользу монастыря корзинки, которые плели монахи. Иоанн охотно исполнил это поручение и, одетый в рубище, явился смиренным служителем в том самом городе, которым он некогда управлял в богатстве и величии. Такой подвиг не был тягостен для Иоанна. Предавшись Богу всей душой, он не мог дорожить земным блеском и величием и потому никакое состояние не считал для себя унижительным. Гораздо труднее была для него та совершенная покорность ума и мысли, которая от него требовалась. Отказаться по приказанию старца от наслаждений умственной деятельности – вот что было для человека, столь богато одаренного умственными способностями, высочайшим подвигом смирения. В этом подвиге труднее было ему выдержать искушение, и вот что случилось.

В Лавре умер один монах; у этого монаха был брат, который неутешно плакал о покойнике. Напрасно Иоанн старался утешить его. Сиротствующий просил у Иоанна одного – сочинить по умершему надгробный плач. Иоанн отказывался, боясь нарушить заповедь старца; но тот продолжал неотступно умолять его. «Если бы ты видел меня больным, – говорил он, – неужели бы ты не постарался помочь мне? Ныне я страдаю душевно, в твоей власти облегчить печаль мою; неужели ты мне не поможешь?» Долго Иоанн колебался между желанием помочь страждущему брату и обязанностью беспрекословно повиноваться воле старца. Но наконец, тронутый слезами несчастного, он написал ему в утешение надгробные песни, которые и доселе поются у нас при погребении: «Кая житейская сладость, человецы, что всеу мятемся? Вся суета человеческая» и проч.

Сетующий удалился, поблагодарив Иоанна, а Иоанн, оставшись один в келье, пел про себя сочиненную песнь. Старец, услышав его пение, спросил, что это значит. Иоанн рассказал ему о случившемся. Тогда старец стал строго упрекать его за непослушание и, несмотря на слезы и мольбы Иоанна, изгнал его из кельи, запретив возвращаться к нему. Старец с прискорбием и негодованием видел, что Иоанн не выдержал назначенного ему послушания. Сам Иоанн глубоко чувствовал это, потому что, изгнанный от своего руководителя, он, как говорит его жизнеописание, рыдал пред кельей старца, вспоминая изгнание Адама из рая за непослушание. Но напрасно он рыдал, скорбел, напрасно и другие иноки, любившие его, умоляли старца простить ему: старец был непреклонен.

Наконец, уже после нескольких дней, старец смягчился, возложил на Иоанна в виде епитимии тяжкую и унижительную работу. Но никакое послушание не могло казаться тяжким Иоанну – так глубоко сознавал он вину свою, так искренне каялся в ней. Он с живейшей радостью стал исполнять сказанное, и тогда старец, обняв дивного послушника своего, лобызал его голову, плечи и руки, восклицая радостно: «О, какого страдальца во Христе я породил! О, каков истинный свет Божественного послушания!» Принятый в келью своего отца-старца, Иоанн так радовался, как будто в самый рай был возвращен, и стал жить в единомыслии со старцем по-прежнему.

Спустя некоторое время старцу было во сне видение. Ему явилась Богоматерь и сказала: «Зачем загородил ты источник, из которого должна истекать вода сладкая и изобильная, вода, которую хотел пить Давид, которую Христос обещал самарянке? Дай ей течь, и она напоит вселенную, и покроет море ересей, и претворит их в чудную сладость, и жаждущие пойдут к ней. Иоанн примет пророческие гусли, Давидов псалтирь и воспоет песни новые Господу Богу!»

Старец, проснувшись, тотчас призвал Иоанна и сказал ему:

– Отверзи уста свои, чадо послушания Христова, и что Дух Святой написал тебе в сердце, поведай вселенной. Взойди на Синай Боговедения и познания Божественных тайн и восхвали в громких песнях славу Божью. Великое о тебе сказала мне Пресвятая Богоматерь. Мне же

прости, – прибавил смиренный старец, – что, по грубости моей и неведению, я до сих пор препятствовал тебе.

С этих пор Иоанн стал усердно заниматься сочинением духовных книг и церковных песней. Он составил церковный октоих, или осмогласник, написал жития многих святых, опровергал ложные учения, изъяснял догматы веры и сложил почти все праздничные тропари. Ему мы обязаны пасхальными песнями, в которых дышит такое пламенное вдохновение.

Он первый из всех христианских учителей изложил догматы веры научным порядком в книгах о православной вере.

Новые гонения против почитателей святых икон вызвали его в Константинополь, где он смело обличал заблуждения иконоборцев.

Он скончался в преклонных летах в сане пресвитера в лавре Святого Саввы в 776 году.

Товарищ Иоанна, Косма, поступил тоже в иноки и впоследствии сделался епископом Маюмским. Он тоже сложил множество духовных песен и мудро пас паству свою.

Житие преподобного Саввы о Священного

5 декабря

Блаженный Савва, основатель многих монастырей в Палестине и знаменитой лавре, известной под именем лавры Святого Саввы, родился в Каппадокийской области в IV веке от родителей богатых и знатных. По причине несогласия между родственниками, которым было вверено его воспитание, он еще восьмилетним мальчиком поселился в монастыре, где обучался грамоте, и так возлюбил монашеское житие, что постригся в монахи. Желая служить Богу в более уединенном месте, восемнадцатилетний юноша оставил монастырь, в котором жил, и отправился в Иерусалим поклониться Святым местам и посетить пустынников палестинских.

В это время очень славился преподобный Евфимий Великий. Савва захотел поступить в число его учеников, но Евфимий поручил его блаженному Феоктисту в соседнем монастыре; благословив его, он предсказал о нем, что он просияет в иноческой жизни, будет основателем обширной лавры и славным наставником всем палестинским отшельникам.

В монастыре Феоктистовом Савва предался совершенно Богу и проходил все монашеские службы с безропотным послушанием, со смирением, с усердным трудом, так что все дивились его высокой добродетели. Будучи послан в Александрию, он встретил на пути родителей, которые хотели было отклонить его от иноческого жития, но наконец уступили его слезам и мольбам.

Прожив лет двенадцать в монастыре, Савва пожелал большего уединения: он поселился в пещере и там проводил дни и ночи в молитве и труде. Работа его состояла в плетении корзин, за которые ему из монастыря давали хлеб и овощи. Прожив таким образом лет пять, он присоединился к Евфимию Великому и после смерти этого великого подвижника жил некоторое время в пустыне Иорданской, в том монастыре, где славился преподобный Герасим.

Но преподобный Савва желал совершенного одиночества, чтобы полностью предаться молитве и богомыслию. Однажды, заснув после долгой молитвы, он во сне увидел ангела, который указывал ему пещеру на том месте, где находился иссохший поток Силоамский.

Восстав ото сна, Савва отправился туда, нашел пещеру и поселился в ней. Целый день и большую часть ночи он молился и пел псалмы, питаясь только кореньями, которые росли возле пещеры. Раз, собирая коренья в пустыне, он увидел четырех разбойников, изнемогавших и голодных; он высыпал пред ними собранные коренья, и с тех пор благодарные разбойники стали приносить ему иногда хлеба и плодов. Савва со слезами говорил себе: «О, горе душе моей! Эти люди за одно благодеяние так щедро платят; мы же, получая ежедневно от

Бога благодеяния, не благодарим, а в лени и нерадении проводим дни наши, не исполняя Его повелений».

Так в постоянной молитве и совершенном одиночестве провел Савва несколько лет; потом стали приходить к нему другие, желавшие тихого и уединенного жития, и постепенно вся долина потока Силоамского заселилась пустынножителями. Отложив все заботы о здешней жизни, они на единого Бога возлагали все надежды свои; постоянно молясь, хранили безмолвие и строгое воздержание, – и Бог дивно охранял их. Предания о пустынножителях полны примеров чудесного промысла Божия о них. То дивным образом посылается им пища, то жаждущему среди знойной пустыни открывается неведомый источник, то наставленный Богом отшельник приходит к незнакомой пещере, в которой старец, не видав никого несколько десятков лет, называет пришедшего по имени, как всегда знакомого; звери пустынные послушно оставляют свои логовища в пещере, избранной святым пустынником для жилища; силой креста отгоняются бесовские страхи и видения, смущающие иногда одинокого пустытника, – одним словом, всемогущая десница Бога не перестает укреплять и охранять отшельников среди страданий, подвигов и трудов ими избранного жития.

После многих лет, проведенных в пустыне палестинской, Савва имел радость увидеть мать свою, которая, овдовев, поселилась в женской обители близ Иерусалима. Получив по смерти ее богатое наследство, Савва устроил несколько обителей и больниц, основал два странноприимных дома, один в Иерихоне, другой – при пещерах, из которых уже составила лавра, или большой монастырь. Вокруг него уже собралось множество братьев, и патриарх Иерусалимский поставил Савву начальником над отшельническими обителями. Он наставлял братьев словом и примером своим, научал их кротости, смирению, безмолвию, упованию на Бога и полному отречению от собственной воли, с силой восставал против лжеучителей.

Он скончался мирно в пещере своей, девяносто пяти лет от роду.

Житие святителя Николая, Мирликийского чудотворца

6 декабря

Много бедствий претерпела Церковь христианская. То язычники и иудеи воздвигали на нее жестокие гонения, то самые члены Церкви, отпадая от истины, смущали лжеучениями еще нетвердых в вере. Но Господь Бог, хранящий Церковь Свою, постоянно посылал христианам святых мужей, которые твердостью в страданиях и непоколебимой верой помогали слабым и немощным, утешали страждущих и укрепляли христиан в истинном понимании слова Божия. Таков был и святитель Николай, память которого празднуем мы два раза в год: 6 декабря, в день его преставления, и 9 мая, в день перенесения святых мощей его из города Миры в город Бари.

Святой Николай родился во второй половине III столетия в ликийском городе Патары. С ранних лет видно было в нем начало тех добродетелей, которыми он прославился пред Богом и людьми. Когда он достиг юношеского возраста, родной дядя его Николай, епископ Патарский, уговорил родителей его отдать сына на служение Богу и вскоре возвел его в сан пресвитера. Во время рукоположения епископ, исполнившись духа пророческого, обратился к народу и, указав на юношу, воскликнул: «Братия! Я вижу новое солнце, восходящее над землей и обещающее утешение всем скорбящим. Блаженно стадо, которое будет иметь его пастырем, ибо он приведет к истине заблудших овец, станет пасти их на пажитях благочестия и будет помощником всем страждущим!» Вся жизнь святителя Николая была исполнением этих пророческих слов. Он не переставал помогать страждущим, защищать невинных, укреплять слабых словом истины и веры.

По кончине родителей он все свое богатое наследство употребил на добрые дела, стараясь при том, чтобы его не знали те, коим он благодетельствовал, ибо он помнил заповедь Божию — делать добро втайне и не искать за него славы людской. Вот, например, одно из бесчисленных благодеяний святого Николая.

Один очень богатый житель города Патары вдруг лишился своего состояния и впал в ужасную нищету. Привыкнув к богатству, он не в силах был бороться с искушениями бедности и замышлял уже бесчестными путями доставать средства к жизни себе и своему семейству, состоявшему из трех взрослых дочерей. Но он еще не успел исполнить грешного намерения своего, как был спасен благовременной помощью святого Николая. Узнав о бедственном его состоянии, угодник Божий ночью бросил к нему в окно большой узел золота. Проснувшись поутру, несчастный отец едва мог поверить неожиданному богатству. Дела его поправились, и вскоре он выдал замуж старшую дочь свою. Святой Николай решил тем же путем устроить

судьбу и остальных дочерей и через некоторое время опять бросил подобный прежнему узел золота. Пристроена была честно и вторая дочь, и обрадованный отец излил пред Господом чувства благодарности. «Милосердый Боже, искупивший нас Своей кровью и ныне удерживающий меня от греха и бесчестия, – так молился он, – покажи нам того, кто служит орудием благодати Твоей, покажи нам того земного ангела, который спасает нас от греха и освобождает от порочных замыслов». Это желание исполнилось. Однажды ночью он услышал, как отворилось окно и брошен был такой же, как и прежде, узел. Он поспешно встал, побежал за своим благодетелем и узнал Николая, который в это время управлял Патарской епархией в отсутствие дяди своего, ездившего в Иерусалим. Он упал к ногам его и, проливая слезы благодарности, говорил: «Если бы не послал тебя Господь для спасения нашего, я не устоял бы против искушения и увлек бы в грех и бесчестие невинных дочерей моих».

По возвращении дяди святой Николай сам отправился на поклонение Гробу Господню и во время плаванья молитвой укротил бурю на море и воскресил одного матроса, убитшегося от падения с верха корабельной мачты. Все более и более воспламеняясь любовью к Богу, он поселился в одном монастыре и желал всю жизнь свою посвятить Господу и служить Ему трудами и лишениями монашеского жития. Но воля Господня предназначила ему другой путь. Раз ночью святой Николай, стоя на молитве, вдруг услышал голос, говоривший ему: «Николай, войди во всенародный подвиг, если хочешь от Меня получить венец!» В страхе и недоумении Николай размышлял про себя, что бы значило такое призвание. Тот же голос сказал вновь: «Николай, это не та нива, на которой ты можешь принести ожидаемый плод. Обратись к людям, дабы в тебе прославилось имя Мое». Тут Николай понял, что Господь указывает ему иную жизнь и требует от него не монашеского служения. Покорный воле Господней, он оставил избранное им житие и отправился в Миры, главный город Ликии, не зная еще, к чему предназначает его Господь, но готовый исполнить Его повеление.

В это самое время происходило в Мирах избрание архиепископа на место недавно умершего Иоанна. Собравшиеся из всех городов епископы затруднялись избранием и, понимая, что один только Бог может просветить и вразумить их, готовились к этому делу молитвой и постом. Господь Бог услышал молитву их и одному из них открыл волю Свою. Этому епископу во время молитвы явился муж, сияющий неземным светом, и повелел ему в ту же ночь встать у дверей церковных и ожидать приходящих. «Первый, кто войдет, – сказал он, – есть избранный Богом, имя ему Николай». Епископ поведал другим о случившемся и встал ночью у дверей церковных, а прочие епископы собрались в храме. Между тем святой Николай, прибыв в Миры, проводил почти все время в молитве и в эту ночь, по обыкновению своему, пошел в храм слушать утрению. Едва он вошел в двери, как епископ остановил его и спросил об имени. «Николай, раб твоей святости, владыко», – отвечал он смиренно. Тогда епископ, взяв его за руку, привел в храм и поставил среди прочих епископов. Молва обо всем этом быстро разнеслась, и народу сбежалось бесчисленное множество. Вразумленный видением, епископ обратился к народу и, указав на Николая, сказал: «Приимите, братия, своего пастыря, которого помазал Дух Святой и которому Он поручил управление душами вашими, которого поставило не собрание человеков, но определение Божие». Народ радовался и благодарил Господа. Сам же Николай в смирении глубоком, считая себя недостойным высокого сана, желал отречься от него, но покорился воле Господней и принял архиепископство. Патриарх Цареградский, святой Мефодий, повествует, что за некоторое время до этого Николай сам имел видение. Ночью ему явился Иисус Христос, сияющий славой, и вручил ему Евангелие, украшенное золотом и жемчугом, а с другой стороны Пресвятая Богородица возлагала на него святительский омофор.

Сделавшись пастырем Ликийской Церкви, святой Николай, всегда строгий к самому себе, еще более умножил труды свои; он рассуждал, что по новому сану и месту еще более прежнего должно жить не для себя, а для других. Он выбрал себе двух достойных сотрудников из пресвитеров и неутомимо заботился о благе тех, которые были вверены его попечению;

всех принимал с отеческой любовью, выслушивал всякие прошения и жалобы, охотно подавал помощь и совет, с твердостью заступался за невинных и обиженных. Среди таких забот застигла его буря гонения, которая вдруг разразилась над Церковью христианской, пользовавшейся в течение почти пятидесяти лет спокойствием и тишиной. Это страшное гонение, начатое императорами Диоклетианом и Галерием, продолжавшееся десять лет, началось в городе Никомидии, где в самый день Рождества Христова сожжено в храме до 20 000 христиан. Оттуда гонение распространилось по многочисленным областям Римской империи; везде отыскивали христиан и предавали их мучениям и смерти. Невзирая на опасность, святой Николай продолжал безбоязненно проповедовать Христа и потому вместе со многими христианами был заключен в темницу, где просидел довольно долго, переноса с терпением и голод, и жажду, и различные страдания, не переставая словом Божиим утешать прочих узников. Наконец гонение прекратилось. Вскоре новый император Константин познал истинного Бога, даровавшего ему силой креста победу над врагами. Он освободил проповедников слова Божия и начал повсюду разрушать идольские капища и строить храмы истинному Богу. Тогда и Николай возвратился на свой архипастырский престол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.